УДК 301.14

СОВЕТСКАЯ ЭТАКРАТИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В.П. Плосконосова

Сибирская автомобильно-дорожная академия, г. Омск

События, связанные с появлением советской системы, ее развитием и крушением, стали вызовом не только фундаментальным установкам марксизма, но и различным немарксистским теориям. Социокультурные процессы, происходящие в нашей стране после исторического поворота в октябре 1917 года, часто рассматриваются как результаты рокового стечения обстоятельств, как исключение из правил, как следствие произвола захватившей власть новой элиты, как реставрация основ феодализма (крепостничества), как проявление заблуждений и мифотворчества, как следствие свойств национального характера. Утвердившиеся подходы являются схематичными, оставляя обширное поле для дискуссий. Одним из ключевых вопросов, по которому сохраняются острые споры и ответ на который во многом предопределяет интерпретацию социально-экономических и политических процессов в стране, связан с уяснением природы существовавшей в советский период власти, социально-политической и экономической системы.

Появление советской модели социализма было результатом глубокого внутреннего кризиса либерально-элитократического капитализма, который утвердился в Европе в начале XX века. Ограниченность реализуемой западноевропейской модели становилась все более очевидной и для стран второго эшелона, её копирование обрекало данные страны на отставание в развитии. Возникала настоятельная потребность поиска новой парадигмы развития, ориентированной на улучшение условий труда и жизни народных масс, демократизацию власти и повышение культуры народа, устранение социальных перекосов и дисфункций, обеспечение равноправия и свободы. Все это декларировалось социалистическим проектом преобразования российского общества. Вместе с тем между социалистической идеей основоположников и реальным её воплощением в СССР оказались большие различия. Но они стали не столько результатом злой воли тех или иных правящих элит, сколько следствием невозможности реализовать на практике идеи “научного коммунизма”; необходимо было кардинальное уточнение нормативного образа социальной жизни в рамках социалистической идеологии применительно к реалиям жизни российского общества и реализации на этой основе практических мер по переустройству государства. Проблема выбора пути, стоявшего перед большевиками в период НЭПа, была проблемой не выбора между репрессивно-бюрократическим социализмом и “мягким” вариантом государственного социализма, а осмысления альтернатив компромисса марксизма с реформаторскими демократическими и либеральными течениями.

Современные исследователи советской России часто отмечают, что черты свергнутого царского строя были реставрированы в советское время. Вместе с тем авторитарный стиль государственной власти, преобладание государственных интересов над общественными, бюрократических над личными, активное использование принудительных и репрессивных методов, вера в вождя, идеологический монополизм – эти и другие схожие черты, характеризующие преемственность социокультурных традиций, не отменяют глубоких различий царского и советского периодов.

Сложившийся в результате многовековой истории к началу XX века мобилизационный тип развития страны способствовал формированию традиций систематического использования чрезвычайных методов для выхода из кризисных ситуаций*. Разработанные для решения экстраординарных проблем эти методы продолжали и в мирное время выступать (хотя и в модифицированном виде) важнейшими звеньями механизма социально-экономической и политической организации российского общества. Это способствовало бюрократизации управления, формированию гипертрофированной роли государства в регулировании социальной жизни, жестких форм государственной власти. Крушение царской империи не привело к смене в стране типа ее развития, хотя в советский период и возникали специфические идеологические, политические, экономические и социально-психологические отношения, в которых проявлялись культурно-исторические особенности России, формировалась основа для перехода от традиционного общества к индустриальному.

После многовекового правления элит, ориентированных на использование импульсной модели запаздывающей модернизации общества, в условиях резкого ухудшения международного положения России и возникающих в связи с этим угроз большевики предприняли очередную в истории России попытку радикального реконструирования цивилизационной модели. Выбор альтернативных способов социального реформирования стал осуществляться исходя из политизированной и идеологизированной системы ценностей. Политика военного коммунизма способствовала углублению социально-экономического раскола общества, формированию “паразитарно-хищнического государства” (П.П. Струве) и была вскоре заменена новой экономической политикой, позволившей в короткие сроки восстановить национальное хозяйство. Россия продемонстрировала всему миру огромные возможности смешанной экономики, основанной на сочетании активной роли государства и рынка. Однако в борьбе альтернативных подходов при проведении социальных преобразований – “генетического” и “теологического” – возобладал последний, сложилась авторитарно-бюрократическая

* См. Плосконосова В.П. Трансформация власти и социально-экономические преобразования в обществе. – Омск, 2001.

модель развития российского общества.

В результате перераспределения власти в СССР сложился правящий слой, который был назван М. Джаласом "новым классом", а М. Восленским – "номенклатурой". Он был представлен партийными, государственными и хозяйственными руководителями и верхними чинами силовых органов. М. Восленский отмечал, что бюрократия в демократических обществах является силой подчиненной и исполнительной. Несменяемость чиновников, гарантированное продвижение по службе в зависимости от заслуг, повышенная пенсия есть компенсация за службу. Жалование и пенсию имеют и советские чиновники, но всегда с льготами, не предусмотренными для остальной массы. Буржуазные чиновники выполняют приказы государственных органов, тогда как номенклатура сама диктует волю государственным или иным органам посредством указаний, решений и установок партийных комитетов. Бюрократия – это привилегированные слуги, номенклатура – самовластные господа [1].

Зарубежные исследователи государственного социализма и системы советской власти основывались на использовании практически всех концептуальных моделей – тоталитаризма, модернизации, корпоративизма, теорий групп, клиентализма и других. Однако сложившиеся подходы остаются неудовлетворительными, они основываются на отказе от разработки общей теории социально-экономической динамики в пользу концепций среднего уровня, которые в нынешнем виде являются перенесением моделей западных реальностей на российскую действительность.

В настоящее время одним из наиболее распространенных и влиятельных подходов к анализу советского режима остается предложенная в середине 50-х годов З. Бжезинским и К. Фридрихом концепция тоталитаризма, яркими предшественниками которой являлись Х. Арендт и Я. Талман*. Возникшая версия тоталитаризма, основанная на жестких связях, не позволяла удовлетворительно объяснить многоплановые и противоречивые изменения советского государства, так как она исключала возможности активной деятельности членов общества и групп, влияние организованных интересов на распределение и динамику власти. В последние годы некоторые наиболее жесткие оценки советского режима стали смягчаться при сохранении исходных постулатов данного подхода.

В результате социокультурных изменений институты советской системы власти начали функционировать иначе, чем предполагали сторонники тоталитаризма, усиливается роль в обществе различных интересов, складывающихся на предприятиях и организациях, министерствах и ведомствах, органах власти и партии. Экономические ресурсы фактически все более уходят из-под жесткого контроля отдельных правящих групп, процесс централизованного планирования стал совмещаться с бюрократическим рынком. Менялся характер идеологии, преобразования в обществе пытались осуществлять на основе принципов социалистической демократии и социальной справедливости, при совершенствовании догматической версии социалистической идеологии структурные инновации подменяются функциональными.

При поиске путей решения задач преодоления отставания страны в технико-экономическом и социальном развитии советская власть отказывалась от заимствования западных институтов. В связи с этим крайне затруднялось применение ранних версий теории модернизации для описания советской реальности. Настоятельная необходимость пересмотра ограниченных подходов к анализу, в рамках которых использовались постулаты жестких связей параметров модернизационных процессов (технологический способ производства, экономика, политика, культура), способствовала распространению интерпретации советского варианта развития общества как леворадикального пути модернизации, направляемой и реализуемой сверху правящей элитой. Возникшие в данных условиях теории индустриального и постиндустриального общества, "технотронного" и "информационного" общества в прямой или скрытой форме являлись противоположностью классической концепции тоталитаризма. Дж. Гейлбрейт, Дж. Каутский, З. Бжезинский, С. Хантингтон и многие другие указывали на процессы конвергенции противоборствующих мировых систем. В рамках теории конвергенции фиксировались общие черты "реального социализма" и "реального капитализма", обращалось внимание на процесс взаимного экспорта институтов, способствующих динамичному и устойчивому развитию общества, на наличие общих проблем социально-политических систем – избыточная концентрация власти в руках правящей элиты, манипуляция общественным мнением, лишение возможности у людей реально влиять на выбор социально важных решений, их уход из публичной сферы и др.

Рассмотрение в рамках либеральной концепции сути тоталитаризма как особенности модернизации советского общества не снимает потребности решения трудных вопросов, связанных с выявлением социально-экономических детерминант, определяющих вектор перемен. При описании тенденций такой модернизации Ф. Фукуяма и его сторонники указывали на процессы диффузии власти в СССР, роста самостоятельности властных структур в распоряжении ресурсами, появление бюрократического торга и "теневой экономики", возникновение в советской интеллигенции идеологически независимых групп и т.д. Критики либерального подхода к анализу советской реальности отмечают, что на его основе можно сделать прямо противоположные выводы. Так, если раньше с его помощью доказывалась возможность достаточно успешной модернизации без устранения институтов системы советской власти, то в современных условиях данный подход привлекается

* Эта концепция объясняла уникальность советской организации общества и правления на основе описания специфических институтов, обеспечивающих реализацию тоталитарной идеологии.

для интерпретации процессов распада СССР и трансформации российского общества. Обращается внимание также и на то обстоятельство, что различные элементы "протогражданского общества" ("теневая экономика", "бюрократический торг" и т.д.) выступали неотъемлемой частью реальной советской системы и должны были утрачивать свое значение при развитии свободного рынка и реальной демократии.

В рамках консервативных версий теории модернизации интерпретация тоталитаризма опирается на традиции Х. Арендт, которая в отличие от З. Бжезинского и К. Фридриха рассматривала тоталитаризм как общее проявление кризиса цивилизации в странах Востока и Запада, а не как локальный феномен, свойственный национальным особенностям устройства лишь некоторых государств. Признание наличия опасных тенденций тоталитаризма в современных условиях связывается с узурпацией дисциплинарного общества и с необходимостью развития национальных традиций гражданской культуры. У. Одом, М. Малия и их сторонники рассматривали послесталинский период лишь как одномерный период разложения советского режима, который неизбежно должен был завершиться полным его устранением в связи с неспособностью последнего к самореформированию.

Необходимость пересмотра фундаментальных предпосылок тоталитарной концепции в связи с потребностью учета влияния активно действующих групп интересов в 60-е годы способствовала использованию альтернативного тоталитаризму плюралистического подхода к изучению советской действительности. В рамках данного подхода обращалось внимание на то, что советское государство вынуждено регулировать социальные процессы, выступая посредником в разрешении социальных конфликтов, а у правящей элиты возникает настоятельная потребность прислушиваться к советам специалистов в различных отраслях.* Однако данный подход остается достаточно схематичным, в его рамках недооценивается специфика советской реальности и тех социально-экономических барьеров, которые разделяют правящие элиты и народные массы, советское государство и общество.

Типологизация советской элиты, ее место и роль на различных этапах развития страны связана с представлениями о реальном содержании советской власти, социально-экономической системы и особенностях ее эволюции. Российские ученые еще в конце 80-х годов попытались искать определение того, какое общество было построено. Вначале речь шла о государственном, казарменном, азиатском, феодальном, бюрократическом социализме. Распространенным было определение "административно-командная система", позже появляется термин "тоталитаризм", утвердившийся после 1991 г. В современной литературе широкое распространение получило представление об эволюции советской власти, когда обращается внимание на такие ее характеристики, как номенклатурность и тоталитарность, имперские мотивы поведения.

На наш взгляд, сложившиеся подходы нуждаются в существенном уточнении, поскольку они остаются схематичными и односторонними. Недостаточно учитывается сложное и богатое содержание советского этапа развития общества и функционирование советских властных структур, что не может не отразиться на результатах научных исследований. Так, термин "империя" часто спекулятивно используется, при этом сущность его сводится исключительно к насильственным формам национального господства при отождествлении его только с колониальным типом империи. Существование российской "империи" рассматривается как несомненное зло для всех народов бывшего СССР. В действительности империя является геополитической формой организации социального пространства, связанная с реализацией жизненно важных интересов "сверхдержавы" теми или иными методами. При таком подходе картина мира резко усложняется, обнаруживается множественность типов "империй". Развитие России, США и Китая шло иногда путем присоединения территорий других народов, но это сочеталось с активной деятельностью по хозяйственному освоению территорий, развитию культуры и цивилизации. США, например, в настоящее время тоже являются "своего рода империей", которая в политике различными методами отстаивает свои национальные интересы, расширяя сферы влияния в мире.

Альтернативные подходы к анализу советского государства и общества хотя и постоянно уточняются, но по-прежнему акцентируется внимание на отдельных аспектах советской реальности, среди них нет самодостаточной и единственно пригодной теории для ее описания. Стремление российских ученых приблизиться к пониманию сложных отношений, регулирующих взаимодействие государства и общества, способствует пересмотру представлений, утвердившихся в отечественной литературе, при этом подвергается критике как чрезмерно упрощенная не только тоталитарная концепция, но и административно-командная модель.*

В настоящее время в научной литературе существуют разнообразные точки зрения относительно этапов становления и развития советской элиты, обычно все они в той или иной мере проводят разграничение сталинского и постсталинского периодов. Анализируя этапы эволюции советской элиты, исследователи обосновывают различные представления о сущности советской элиты, особенностях ее функционирования. Так, Б. Пугачев особое внимание обращает на то, что эволюция советской элиты в целом шла по осевой линии – от корпоративного обладания властью как собственностью к распоряжению накопленными "общественными" материальными благами. Он выделяет четыре фазы развития советской элиты: "классическая" ("сталинская"), "мутационная" ("хрущевская"), "прагматически-деидеологизированная" ("брежневская"), "приватизаторская" ("горбачевско-ельцинская") [2].

Советская реальность, как признают многие зарубеж-

* Как отмечал Дж. Хог, советский режим изменялся в сторону «институционального плюрализма»

ные и отечественные исследователи, оказалась сложной, многоплановой и противоречивой, чтобы описать ее с помощью одной модели. Важнейшей отличительной чертой советской формы корпоративизма является то, что партийно-государственная власть была выстроена на основе достаточно жесткой иерархии. Однако было бы упрощением отрицать наличие некоторой свободы представительства групповых интересов. Важнейшее значение приобретало ограничение интересов основных групп населения и доминирование роли интересов правящей элиты. Плюрализм хотя и имел место, но в весьма ограниченных пределах. В советской системе власти возникала административно-бюрократическая иерархия, основанная на получении должности от правящей элиты. Ответственность за свою деятельность назначенец – клиент несет прежде всего перед своим патроном, в меньшей степени – перед законом и прямым начальником. Подобные патронажно-клиентальные связи пронизывали всю властную вертикаль, ухудшая функционирование государственной системы.

Система советского правления, как и в дореволюционный период, оставалась двойственной по своему содержанию, противоречиво сочетая в себе элементы восточной и западной модели власти. Инновационные усилия власти социально активных групп порождали волну модернизационных изменений в науке и технике, культуре и политике, экономике и социально-бытовой сфере. Данные модернизационные процессы носили неизбежно ограниченный характер и в связи с этим все больше обнаруживалась настоятельность радикального пересмотра реализуемой модели.

В идеологии большевизма считалось нравственным всё то, что содействует делу революции, а борьба за интересы народа и справедливость служили оправданием репрессивных мер. В то же время духовные основы советского общества не могут быть сведены к тоталитаристским идеям. В советской культуре установки авторитарного правления противоречивым образом сочетались с нравственными традициями российского общества. Как отмечает Ю.А.Васильчук, "сегодня модно критиковать и "совков" и Россию". "Забывают" лишь главное: более 50 стран получили свободу из рук российского (или "советского") солдата и политика и еще, вероятно, столько же – при их поддержке. Массовые российские армии в 1914–1917 годах предотвратили порабощение Европы, а в 1941–1945 годах проделали это вторично, похоронив Холокост. Вся цивилизация и культура гражданских обществ Запада в этом смысле – "дитя" наших отцов. При этом духовную основу Великой победы и освобождения Европы от фашизма составили отнюдь не идеи тоталитаризма, а, напротив, идеалы свободы и нравственного долга каждого (заложенные еще православием и его соборными ценностями коллективизма) [3].

Самые глубинные причины краха советской модели социализма коренятся в том, что благие цели, связанные с организацией общества на принципах социального равенства, справедливости и свободы, трансформировались в жесткий постулат о "примате интересов общества", когда содержание данных интересов навязывалось властью, не контролируемой обществом. Отчуждение народа от власти и привело в конечном счете к глубокому экономическому, политическому, социальному и духовно-нравственному кризису. Реальная жизнь убедительно показала, что в бюрократически организованном обществе нельзя сформировать экономические и политические механизмы, способствующие интеграции многообразных интересов людей в современных условиях.

Ортодоксальные концепции затрудняют описание реальной картины как экономического, так и политического устройства СССР. В связи с этим заслуживают внимания альтернативные и многомерные подходы к анализу развития страны. Так, в рамках концепции хозяйственных порядков В. Ойкен обращает внимание на широкий диапазон и множество вариантов их возникновения на основе некоторых комбинаций идеальных типов. Он охарактеризовал экономику СССР применительно к ситуации 1949 г. следующим образом: "Русский экономический порядок 1949 г. состоит, например, из определенного сплава централизованно управляемой экономики как формы порядка, занимающей господствующее положение, различных форм рынка, присущих рыночному хозяйству, и денежных систем разного рода" [4]. Экономика России по многим показателям не соответствовала классическим воззрениям на основы рыночной экономики, но она также не была сугубо плановой.* Теория хозяйственного порядка В. Ойкена обосновывает необходимость анализа советской экономики как смешанной, но при преобладании плановых методов, что могло служить в дальнейшем основанием для развития рыночных институтов в стране и формирования современных рыночных отношений. Кроме того, как отмечает К. Флекснер, "убеждение, что рыночная экономика связана только с капитализмом, а плановая экономика существует только при социализме, ошибочно и берет свое начало в конфликте идеологий" [5].

Обычно считается, что советская система была неэффективна. Но в течение 1925–1970 гг. мобилизационная модель советской экономики функционировала достаточно динамично и к 1940 г. благодаря индустриализации были созданы мощности, способные производить высококачественное вооружение, сопоставимое с германским, в последующие 20 лет после войны экономика развивалась быстрыми темпами. По среднегодовым темпам прироста ВВП СССР в этот период обгонял США, обладавшие, как считалось, высокоэффективной рыночной экономикой. К 1970 г., по сравнению с 1950 г., значительно повысился жизненный уровень советских людей.

* Так, В. Найшуль одним из первых предложил концепцию «экономики согласования» и «административного торга». Позже появляется ряд работ, посвященных проблемам гражданского общества и корпоратизма. (См.: Перегудов С.П. Группы интересов и Российское государство / С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина, И.С. Семененко. – М.,1999 и др.)

При всей противоречивости экономического развития СССР в предвоенные годы многочисленные исследования подтверждают утвердившееся среди западных и отечественных ученых мнение о достижении высоких показателей темпов индустриализации национального хозяйства в стране в этот период.** Согласно оценкам американских исследователей Р. Мурстина и Р. Пауэлла (которые считаются наиболее достоверными), производительность труда в народном хозяйстве СССР за 1928–1937 гг. возросла на 37,3 %, или 3,6 % в год. В 1939–1940 гг. произошло снижение на 10,3 % в связи с расширением западных границ и присоединением большой территории с населением около 20 млн чел. М. Олсон отмечает, что "как бы мы не интерпретировали судьбу двух различных российских автократий, существовавших во времена первой и второй мировых войн, несомненно, что после второй Советский Союз получил безусловный статус сверхдержавы, которой так и не смогла достигнуть царская автократия, и что царизму никогда не удавалось подняться до высот, резко поднявших престиж страны" [6]. Несмотря на все изъяны советской модели, в экономике удалось в 20–30-е годы осуществить переход на траекторию опережающего развития. Это подтверждает не только её способность превысить выпуск военной продукции в годы второй мировой войны по сравнению с первой в 24,5 раза (в Германии выпуск этой продукции увеличился лишь в 2,6 раза), но и её динамичный рост в 50–60 гг.

Английский исследователь Дж. Росс обращает внимание на то, что развитие бывшей советской экономики является одним из величайших успехов, достигнутых в XX веке. Второй страной, удивившей мир, стала Япония, которая в значительной степени сократила разрыв в доходе ВВП на душу населения по сравнению с другими государствами, ранее прошедшими этап промышленного развития. В 1913 г. ВВП на душу населения России составлял примерно 25 % от соответствующего показателя в будущих странах ОЭСР, к 1970 г. этот показатель уже был равен примерно 50 %. ВВП на душу населения стран Азии (за исключением Японии) возрос за то же время с 12 до 18 %. Среди крупнейших стран мира, отстававших от СССР, только Япония обогнала его по ВВП на душу населения. Китай, будучи на крайне низком уровне развития, также вступил на путь весьма ускоренного роста. Это позволило бывшему СССР ликвидировать крайнюю нищету, организовать социальное страхование, построить всеобъемлющую систему социального обеспечения, достичь высокого уровня образования и создать военный потенциал, сравнимый с имеющимся в Соединенных Штатах и значительно превышающий потенциал тех стран, которые в военном плане угрожали России или побеждали ее в прошлом.

Современная и широко распространённая трактовка социоэкономической динамики России основывается на либерально-рыночных идеях, отстаивающих тривиальную позицию: более рыночная экономика и более открытая экономика является более динамичной и создаёт лучшие возможности для повышения уровня жизни населения. В связи с этим советская модель экономики на всех этапах развития страны рассматривается как сугубо экстенсивная и неэффективная, а российский путь развития в советский период как тупиковый. Однако нельзя не учитывать, что модель "чистого" капитализма, основанная на рыночном хозяйстве, является лишь идеальной и утопической схемой. Как отмечает известный немецкий ученый П. Козловски, "чисто капиталистическое общество, которое основывалось бы только на частной собственности, максимизации дохода и рыночно-ценовой координации, до сих пор, насколько нам известно из истории, ещё нигде не осуществилось. Капитализм как модель общества обладает утопическими, контрафактическими чертами, он сам – социальная утопия" [7].

Социально-экономическое развитие индустриальных обществ всегда обеспечивалось на основе использования различных способов сочетания рыночных и государственных регуляторов. Роль государственной власти в поддержании динамичного и устойчивого развития общества, в осуществлении институциональных и технологических преобразований может существенно меняться в зависимости от социально-экономического и военно-политического положения страны, социокультурных традиций, особенностей взаимодействия внутренних и внешних факторов и др. В связи с этим остаются противоречивыми и ограниченными попытки охарактеризовать социально-экономическую динамику, исходя лишь из одного измерения – степени рыночности хозяйства. Так, М. Олсон утверждает, что в результате деформации рынков и упразднения многих их компонентов совокупная производительность факторов производства в обществах советского типа была ниже и повышалась медленнее, чем в странах с рыночной экономикой [6]. Вместе с тем он же приводит примеры опыта рыночной экономики демократических западных стран, не испытавших иностранных вторжений и имеющих на протяжении многих десятилетий низкие темпы развития (Великобритания, например, около ста лет).

По наиболее достоверным оценкам зарубежных исследователей среднегодовые темпы прироста ВВП на душу населения в СССР за 1950–1970 гг. были не ниже, чем в развитых странах с рыночной экономикой, и существенно превышали показатели США. Так, в СССР они составили в 50-е годы 3,5 против 1,6 % в США, в 60-е годы – 3,6 против 2,5 % в США (рассчитано автором по [8]). Ситуация резко изменяется в последующие десятилетия: в 70-е годы эти темпы уменьшаются в СССР до 1,3 %, а в 80-е – до 0,8 %, в то время как в США они возрастают до 1,6…1,7 %, а в развитых странах с рыночной экономикой – до 2,1…2,3 %. В первые послевоенные десятилетия отраслевая структура занятости в СССР приближается к структуре занятости в США. Так, доля занятых в промышленности в общей численности занятых за 1950–1970 гг. в СССР возросла с 20,7 до 29,0 %, в США она составила 28,3 %. Удельный вес занятых

---

* Соотношение элементов плановой и рыночной экономик в СССР по некоторым расчетам составляло 8:2.

** Особенно ярко эти процессы проявлялись на фоне глубокого мирового кризиса 1929–1933 гг.

в сельском хозяйстве уменьшился с 48,0 до 27,0 %, но оставался в 3,6 раза выше, чем в США; в строительстве в СССР было занято в 1970 г. 8,0 % населения, а в США – 5,4 %; на транспорте в СССР – 7,0 %, в США – 3,3 %. Вместе с тем за 1950–1970 гг. доля занятых в образовании, науке, культуре, искусстве в СССР возросла с 5,4 до 11,0 %, в США – с 4,2 до 8,3 %, доля занятых в здравоохранении в СССР увеличилась с 2,6 до 4,0 %, в США – с 2,9 до 5,7 % [9].

Оценка советской модели требует формирования реалистических взглядов на динамику социально-экономических процессов в СССР и странах Запада. Ещё Н.А. Бердяев указывал на ошибочность упрощенного и враждебного деления мира на две части – коммунизм и капитализм, Советскую Россию и Запад. "В конкретной действительности мир совсем не делится на две части, он безмерно сложнее, в нем все индивидуализировано. ... Россия во всем не покрывается коммунизмом. Жизнь русского народа, которую плохо знают, гораздо сложнее и индивидуализированнее, чем абстракция, созданная марксистской доктриной" [10].

Траектория развития СССР характеризовалась своеобразным сочетанием элементов догоняющего, опережающего и забегающего развития. На разных этапах преобладали те или иные элементы, но в то же время не исключалось и действие других. Выйдя на траекторию опережающего развития в 50–60-е годы и сократив отставание в технико-экономическом отношении до 30 лет, власть и общество не смогли своевременно радикально изменить систему ценностей и институтов. Опыт западных стран разрушил миф о классическом либерализме, опыт СССР показал утопичность установления идеальных проектов чистого социализма. Конкурентно-консенсуальная модель демократии способствовала адаптации западных стран к меняющемуся миру, соединению идей раннего либерализма с идеями социал-демократии. В свою очередь, советская элита, боясь потерять власть, периодически осуществляла незначительные либеральные преобразования в социально-экономической жизни общества.

Сформировавшиеся представления о советской системе у зарубежных ученых, распространяющиеся и среди российских исследователей, в значительной степени связаны с особенностями западного мировосприятия, к числу которых относится склонность не замечать проявление агрессии собственной страной и крайне болезненно воспринимать подобные процессы в других странах, прежде всего незападного мира. На данной основе на Западе давно сложились представления о России как стране внутреннего деспотизма и внешней агрессивности. В связи с этим советская система часто рассматривается лишь как модификация царского самодержавия, а внешняя политика СССР – как продолжение экспансионистской политики российского царизма. Различия в восприятии мировой истории западным и незападным миром существуют как реальность. В связи с этим А. Тойнби отмечал, что "как бы ни различались между собой народы мира по цвету кожи, языку, религии и степени цивилизованности, на вопрос западного исследователя об их отношении к Западу все – русские и мусульмане, индусы и китайцы, японцы и все остальные – ответят одинаково. Запад, скажут они, – это архиагрессор современной эпохи, и у каждого найдется свой пример западной агрессии. Русские напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах; народы Африки и Азии вспомнят о том, как начиная с XV века западные миссионеры, торговцы и солдаты осаждали их земли с моря. Азиаты могут еще напомнить, что в тот же период Запад захватил львиную долю свободных территорий в обеих Америках, Австралии, Новой Зеландии, Южной и Восточной Африке. А африканцы – о том, как их обращали в рабство и перевозили через Атлантику ... Потомки коренного населения Северной Америки скажут, как их предки были сметены со своих мест …" [11].

Процесс становления и развития конкурирующих социально-политических систем является противоречивым. В работах Ф. Броделя, И. Валлерстайна, Р. Пребиша и других исследователей показано, что капитализм как целостная система обеспечивает своё развитие на основе использования ресурсов всего мира, социально-экономические проблемы между центром и периферией капитализма распределены неравномерно, многие его негативные последствия перенесены в страны "третьего мира". Как отмечает американский ученый А. Макхиджани, и социалистическая, и капиталистическая индустриализация были насильственными по своей природе. Централизованный социализм потерпел крах отчасти из-за негативного отношения людей к его репрессивному и жесткому прошлому, отчасти – из-за неоправдавшихся экономических надежд, построенных на неверном восприятии успехов капитализма. А достижения капитализма на самом деле гораздо скромнее и менее впечатляющи, чем принято считать. А. Макхиджани не согласен с утверждением Р. Хейлбронера о том, что капитализм победил благодаря тому, что организовал материальную сторону человеческого существования более удовлетворительно, чем социализм. Он отмечает, что и капитализм нуждается в глобальной реорганизации, переустройство которого должно быть проведено на основе более реалистических взглядов на капитализм; обращает внимание на то, что даже бюрократический социализм, несмотря на все свои недостатки и репрессии и вопреки всякому насилию и экономическому давлению со стороны капиталистических держав, смог удовлетворить материальные потребности своих граждан лучше, чем капитализм в рамках всей своей системы [12].

В 50-х годах в ведущих странах мира возникают глубокие изменения под влиянием НТР. Экономический рост все в большей степени обусловливается инновациями; новая технологическая модель, базирующаяся на гибких технологиях, требовала новых форм организации экономической, политической и социальной жизни. Хотя происходящие изменения в мире коснулись СССР и стран Восточной Европы, присущая им мобилизационно-бюрократическая модель продолжала действовать. Ее уязвимость ярко проявилась с конца 60-х годов: крайнее ограничение стимулов и свобод

хозяйственной деятельности, слабая конкурентоспособность, медленные технологические сдвиги, низкий уровень потребления товаров. Сложился отсталый тип хозяйства с ограниченными возможностями выхода промышленных товаров на мировой рынок из-за сильной конкуренции продукции новых индустриальных стран с их низким уровнем заработной платы.

Кроме того, экономический рост СССР в значительной мере базировался на невозобновляемых природных ресурсах, а развитие было сопряжено с нанесением ущерба окружающей среде.

Эволюция советской системы сопровождалась постепенным снижением роли жестких методов решения многочисленных и трудных проблем социально-экономического развития и частичной их заменой за счет расширения и усложнения социокультурных, политико-правовых и организационных связей, развития рыночно-договорных отношений по вертикали и по горизонтали. Уже в 60-е годы в экономике стал играть существенную роль бюрократический рынок, на котором происходил не только обмен продукцией и ресурсами, но и властными полномочиями и социальным положением. Особое место в социальной структуре советской правящей элиты позволяло ей часто пользоваться государственной собственностью и обеспечивало контроль за распределением общественных благ. Укрепление позиций правящего слоя в 80-е годы приводит к тому, что у него все больше проявляется стремление оформить юридически право частной собственности. Перестройка явилась навязанной сверху бюрократической моделью трансформации общества, ее провал стал следствием недооценки сложности механизмов модернизации советского общества.

В середине 80-х годов социально-политический кризис усилился и призыв к реформам был поддержан народом. Вместе с тем сам характер реформ вызвал позже у некоторых слоев общества недовольство и сопротивление, что вынудило сторонников перемен приспосабливать свои программы к требованиям общественного мнения.* По мере того, как процессы реформирования общества ускорялись и приобретали размах и глубину, было всё труднее контролировать ход событий.

В экономическом плане итоги развития страны за 1985–1990 гг. часто рассматриваются как катастрофические. Данное положение, как представляется, нуждается в уточнении. В конце 80-х годов в экономике происходит сокращение объемов производства, однако сами по себе темпы падения производства не были катастрофическими. По расчетам Института экономического анализа, выполненным с использованием информационной базы международных организаций, в 1990 г. ВВП СССР сократился по сравнению с 1989 г. на 3,6 %, а в России – на 3,4 %. В целом за 1985–1990 гг. ВВП СССР увеличился на 9,4 %, а в России – на 9,2 %, в то время как в среднем мировой показатель составил 13,4 %, а по развитым странам – 15,5 %.

Вместе с тем нельзя не учитывать, что реализованная в стране дестабилизирующая модель экономических и социально-политических реформ в 1985–1990 гг. не позволила радикально изменить ситуацию в стране к лучшему. Декларации и обещания руководства все больше расходились с реалиями жизни. Экономика продолжала функционировать в экстенсивном режиме, при высоком уровне затрат сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, капиталоёмкости и экологичности производства, сохранялась сырьевая ориентация экспорта. Доходы, получаемые от продажи энергоресурсов, а также кредиты западных стран использовались крайне нерационально, внешний долг страны за 1986–1991 гг. увеличился в 3 раза, его обслуживание стало непосильным бременем, усиливались инфляционные тенденции из-за большого бюджетного дефицита, происходило падение курса рубля.

Стагнация жизненного уровня населения, бесконечные декларации о проводимых реформах в условиях информационной свободы СМИ зародили потенциал недовольства людей. Трудности, с которыми столкнулся СССР, были преодолимыми. Взвешенный анализ свидетельствует о том, что катастрофа не была неизбежной, хотя реформы были необходимы. Так, прогнозы в начале 80-х годов экспертов ЦРУ США о развитии СССР указывали на замедление темпов экономического роста страны в 90-х годах и возможность стагнации, однако экономические условия сами по себе не давали оснований делать предположение о распаде СССР и крахе советской экономики.

Горбачевский этап реформ был весьма противоречив. С одной стороны, реализованная модель ослабления роли административно-командных рычагов в управлении советского общества привела к развалу СССР, с другой – реформы М.С. Горбачева способствовали расширению хозяйственной самостоятельности, трансформации директивной экономики в рыночную, формированию многопартийной системы, переходу от партийно-номенклатурной модели к представительной демократии. Ни М.С. Горбачёв, ни его окружение не имели в достаточной мере проработанной стратегии реформирования советского общества, плохо представляя последствия принимаемых решений. Власть, осознавая углубление кризисных процессов, стремилась прежде всего усилить свои позиции. В условиях, когда экономические реформы не дают ожидаемых и желаемых результатов, предпринимаются попытки обеспечить легитимность власти на основе проведения альтернативных выборов в законодательные органы. Однако уже на съезде народных депутатов СССР возникает парламентская оппозиция. Вторая волна выборов в Советы республиканского и местного уровней приводит к тому, что ситуация уходит из-под контроля КПСС, рычаги власти переходят к оппозиционным силам.

* Нормативные документы и лозунги сами по себе не способны радикально изменить ситуацию в обществе. Новые институты утверждаются лишь при условии поддержки социальными силами

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восленский М. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. – М., 1991. – С. 132.
2. Пугачев Б. Россия на перепутье // Социально-политический журнал. – 1995. – № 3. – С. 111.
3. Васильчук Ю.А. Постиндустриальная экономика и развитие человека // Мировая экономика и международные отношения. – 1994. – № 3. – С. 247.
4. Ойкен В. Основы национальной экономики. – М., 1996. – С. 76.
5. Флекснер К. Просвещенное общество. – М., 1994. – С. 281.
6. Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. – Новосибирск, 1998. – С. 411, 412.
7. Козловски П. Этика капитализма. Эволюция и общество. – СПб., 1996. – С. 62.
8. Илларионов А. Основные тенденции развития мировой экономики во второй половине XX века // Вопросы экономики. – 1997. – № 10. – С. 126.
9. Кудров В.М. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. – М., 1997. – С. 278.
10. Бердяев Н.А. Третий исход // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века. – М., 1994. – С. 308–309.
11. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. – М., 1995. – С. 156.
12. Макхиджани А. От глобального капитализма к экономической справедливости. – Новосибирск, 2000. – С. 98–101.